

МОЕ ПОСТУПЛЕНИЕ ВЪ ДУХОВНОЕ ЗВАНІЕ. *)

Когда я съ товарищемъ своимъ А. Софроновымъ, по приказанію Бригаднаго Командира 3 отдѣленія военныхъ контонистовъ, составилъ сочиненіе на Русскомъ языкѣ съ Еврейскимъ текстомъ: то это сочиненіе было представлено Бригаднымъ Командиромъ къ Директору Департамента военныхъ контонистовъ съ ходатайствомъ—наградить меня и товарища моего галунами въ отличіе отъ другихъ контонистовъ. Само собою разумѣется, что Начальникъ Департамента въ свою очередь долженъ было представить это ходатайство о насъ на усмотрѣніе къ Военному Министру, а Военный Министръ всеподданнѣйше докладывалъ о томъ Государю Императору. Высочайшее вниманіе Государя Императора Николая Павловича было столь милостиво къ намъ, что за содѣйствіе наше въ обращеніи 80 человѣкъ еврейскихъ контонистовъ и за составленіе упомянутаго сочиненія всемилостивѣйше повелѣно было не галунами наградить насъ, а выдать намъ по 50 рублей серебромъ и передать насъ изъ военнаго въ духовное званіе, съ цѣлю приготовить насъ во священники и Миссіонеры для обращенія Евреевъ въ христіанство, если мы сами того пожелаемъ. Таковая Высочайшая милость получена нами въ іюнѣ 1845 года. За тѣмъ въ іюлѣ тогоже года мы опять удостоились по Высочайшему же приказу каждый по 150 руб., за содѣйствіе наше въ просвѣщеніи святымъ крещеніемъ 130 чело-

*) Читатели Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей вѣроят-но еще не забыли интересныхъ рассказовъ священника Николая Кузнецкаго о его обращеніи въ христіанство и первыхъ дняхъ жизни его въ христіанствѣ. (Полт. Епарх. Вѣд. 1863 года №№ 6, 7, 9.) Предлагаемыя теперь статьи составляютъ продолженіе и окончаніе прежнихъ. Позднее появленіе ихъ объясняется и извиняется тяжкими семейными утратами, понесенными въ это время авторомъ.

вѣтъ въ день Пятидесятницы, о чемъ описано мною въ прошлой статьѣ. *) По полученіи указа о первой наградѣ нашей я и товарищъ дали отзывъ, что мы желаемъ вступить въ духовное званіе, о чемъ въ свою очередь Бригадный Командиръ донесъ высшему военному начальству и вмѣстѣ просилъ, чтобы насъ для воспитанія въ духовномъ званіи перевели въ Казань, гдѣ квартировалъ нашъ Бригадный Командиръ; побужденіемъ къ такой просьбѣ его было то, что такъ какъ въ Казанскомъ отдѣленіи военныхъ контонистовъ было много некрещенныхъ Евреевъ, то чтобы на насъ возложена была обязанность вмѣстѣ съ воспитаніемъ своимъ заниматься и обращеніемъ опытныхъ Евреевъ. Все сдѣлано было согласно съ просьбою нашего Бригаднаго Командира и въ сентябрѣ того же года мы переданы были Вольскому Благочинному, который, по распоряженію духовнаго начальства, долженъ былъ насъ проэкзаменовать, дабы при отзывѣ своемъ о томъ, въ какой классъ духовнаго училища мы можемъ поступить, лично передалъ насъ Казанскому Преосвященному. Въ день Іоанна Богослова, помолившись въ послѣдній разъ въ Вольскомъ соборѣ, мы съ Благочиннымъ Протоіереемъ Бибиковымъ помчались на высокія горы и, несмотря на проливныя дожди, четверка лошадей въ 3 дня какъ-то нечувствительно привезла насъ въ Казань въ ночь на 28-е число. 29 числа мы были представлены Протоіереемъ Бибиковымъ къ Казанскому Архіепископу Владимиру, который принялъ насъ съ отеческою любовію и тотъ часъ спросилъ Протоіерея: а въ какой классъ училища вы, О. Протоіерей, находите ихъ способными? Получивъ отвѣтъ, что мы можемъ вступить только во 2-й классъ духовнаго училища, — потому, какъ замѣтилъ Протоіерей Бибиковъ,

*) Полт. Епар. Вѣд. 1863 г. № 9.

что мы не знаемъ еще языковъ греческаго и латинскаго, церковнаго устава и церковнаго пѣнія, — Высокопреосвященный на это возразилъ: «Я, Отецъ Протоіерей, такого мнѣнія, что этихъ дѣтей, нечего сажать за партами съ мальчишками 10 лѣтними; они, слава Богу, уже въ лѣтахъ совершенныхъ, я ихъ опредѣлю не въ училище, а прямо въ Семинарію, тѣмъ болѣе я долженъ это сдѣлать, что у меня здѣсь въ Казани нѣтъ духовнаго училища, онѣ у насъ помѣщаются въ уѣздныхъ городахъ; а эти воспитанники, по распоряженію Начальства, кромѣ обязанности обучаться, еще должны исполнять другую обязанность — заниматься обращеніемъ еврейскихъ контонистовъ въ здѣшнемъ отдѣленіи, гдѣ ихъ довольно количество; какъ же я ихъ могу послать въ уѣзды, гдѣ находятся наши духовныя училища? Что же касается до того, что они не знаютъ нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ для обучающагося въ Семинаріи, то они по моему мнѣнію для нихъ не существенно нужны; имъ нѣтъ надобности знать греческій и латинскій языки, они за то хорошо знаютъ тотъ языкъ, который существенно имъ нуженъ при миссіонерскомъ ихъ служеніи: а церковный уставъ, пѣніе и географію они могутъ изучать партикулярно при Семинаріи, о чемъ я сдѣлаю особенное распоряженіе.» Въ заключеніе, послѣ долгихъ распросовъ, Высокопреосвященный приказалъ Протоіерею Бибикову представить насъ на другой день въ Семинарское Правленіе. Благословивъ насъ, привѣтливо сказалъ намъ: «Ну, дѣти, теперь вы уже мои: по вступленіи въ Семинарію старайтесь прилежно учиться и усердно трудиться на томъ поприщѣ, на которое вы призваны Богомъ и Государемъ; а о приличномъ содержаніи въ васъ я самъ буду заботиться, — До свиданія!»

На другой день утромъ мы также привѣтливо приняты были въ Семинарскомъ Правленіи Ректоромъ Семинаріи Архимандритомъ Климентомъ; затѣмъ въ присутствіи нѣсколькихъ наставниковъ Семинаріи Ректоръ началъ насъ экзаменовать по тѣмъ предметамъ, которые мы очень хорошо знали, какъ то: пространнѣйшій катихизисъ, священную исторію Вѣтхаго Новаго Завета, ариметику, геометрію, географію Россіи и чистописаніе. Немало удивленъ былъ экзаменаторъ нашъ, когда при нѣкоторыхъ катихизическихъ вопросахъ задавалъ намъ вопросы чисто догматическіе, на которые мы отвѣчали очень удовлетворительно, при чемъ я въ особенности обнаружилъ близкое знаніе священнаго писанія В. Завета; да также и по священной исторіи мы отвѣтили такъ, что Ректоръ тутже, обращаясь къ Профессорамъ, сказалъ: »уменя, господа, ни одинъ изъ вступившихъ въ богословскій классъ такъ не отвѣчалъ на тѣ же вопросы, какіе я сей часъ предложилъ этимъ новокрещеннымъ. А посему я думаю, что имъ нечего сидѣть въ словесномъ классѣ, какъ этого желаетъ Преосвященный нашъ, а просто на просто я берусь дать имъ полное Семинарское образованіе, за исключеніемъ языковъ и нѣкоторыхъ побочныхъ предметовъ, въ три года партикулярно у меня дома. Надѣюсь впрочемъ, что вы, господа, не откажетесь мнѣ помогать въ этомъ новомъ дѣлѣ,—о чемъ я вскорости представлю Преосвященному проектъ свой.»

Послѣ такого отраднаго дня насъ извѣстія Ректоръ продолжалъ насъ экзаменовать по другимъ предметамъ и во всѣхъ нашелъ насъ отлично знающими, — что придало особенное воодушевленіе нашему экзаменатору, который рѣшился непременно сдѣлать то, что высказывалъ относительно 3-хъ лѣтняго образованія нашего въ Семинаріи. Подан-

ный отъ о. Ректора проэктъ представлень Казанскимъ Архіепископомъ на утверждение Святѣйшаго Синода. Содержаніе проэкта заключалось въ томъ, что Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Климентъ беретъ дасть двумъ воспитанникамъ Семинаріи изъ новокрещенныхъ Евреевъ полное семинарское образованіе въ 3 года у себя дома съ тѣмъ, что бы въ 1-й годъ проходить предметы, преподаваемые въ классѣ словесности, за исключеніемъ греческаго и латинскаго языка, вмѣсто коихъ преподавать намъ нѣмецкій и научнымъ образомъ еврейскій языкъ; естественныя же науки, какъ то: сельское хозяйство, математику, физику и медицину преподавать намъ только для одного знанія безъ экзамена.—Во 2-й годъ—проходить догматическое богословіе и предметы философскаго класса, а въ 3-й годъ всѣ остальные предметы, преподаваемые въ богословскомъ классѣ. Въ томъ же проэктѣ требовалось только, чтобы были награждаемы тѣ наставники Семинаріи, которые будутъ помогать Ректору въ образованіи насъ, и чтобы на содержаніе насъ отпущено было по 100 руб. сер. въ годъ на каждаго. И таковой проэктъ былъ во всемъ утвержденъ Св. Синодомъ.

Между тѣмъ, пока получено было утверженіе проэкта, которое послѣдовало въ первыхъ числахъ генваря 1846 г., мы принялись за дѣло обращенія еврейскихъ контонистовъ, которыхъ по прибытіи нашемъ въ Казанскомъ отдѣленіи находилось 200 человекъ. Помолившись вмѣстѣ съ Ректоромъ (4 октября) въ день празднованія святителя Варсонофія предъ мощами сего угодника Божія, почивающаго въ Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ Ректоръ Семинаріи былъ настоятелемъ, мы съ того дня начали посѣщать контонистовъ въ казармахъ ихъ, смежныхъ съ упомянутымъ монастыремъ, гдѣ мы имѣли при Ректорѣ постоянную квартиру. Руково-

данные мудрыми наставлениями о. Ректора—нашего наставника, мы вскорѣ, при помощи Божіей, оказали успѣхъ, такъ что 2-го февраля слѣдующаго года были окрещены послѣдніе два человѣка, долгоупорствовавшихъ въ своемъ заблужденіи.

Когда Бригадный Командиръ получилъ донесеніе, что въ Казанскомъ отдѣленіи контонистовъ нѣтъ уже ни одного некрещенаго Еврея: то назначилъ въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ особый день для празднованія въ знакъ благодарности Господу Богу за обращеніе еврейскихъ контонистовъ въ христіанство. Празднованіе это назначено въ Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ всѣ обращенные нами были просвѣщены святымъ крещеніемъ. О днѣ празднованія былъ извѣщенъ весь городъ; почему въ тотъ день собрались военные и гражданскіе чины и почти половина жителей города, такъ что весь дворъ монастырскій былъ наполненъ народомъ. Предъ начатіемъ молебна я произносилъ новокрещеннымъ привѣтственную рѣчь, въ которой изчисливъ благодѣянія Божіи, явленные имъ чрезъ принятіе христіанской вѣры, призывалъ ихъ излѣить душу предъ Богомъ въ благодарныхъ чувствахъ, подобно древнему Израилю, воспѣвшему побѣдную пѣснь по переходѣ чрезъ Черное море на пути къ землѣ обѣтованной. По окончаніи службы, совершенной Ректоромъ Семинаріи и 8-мью Іеромонахами начался крестный ходъ изъ монастыря въ казармы контонистовъ, гдѣ послѣдовало водоосвященіе и окропленіе всѣхъ камеръ и классовъ, и за тѣмъ о. Ректоръ произнесъ трогательное поученіе, которое возбудило во всѣхъ слушателяхъ такую радость, что отъ избытка радости многіе плакали. Ахъ, это было тогда не земное собраніе, а чистый отблескъ Церкви первородныхъ, на небесахъ написанныхъ.

Высокопреосвященный Владиміръ принималъ близкое участіе въ описанномъ нами торжествѣ. Впервыхъ — каждый разъ, какъ только совершалось крещеніе надъ пожелавшими, по Его приказанію о. Ректоръ, я и товарищъ мой должны были тотчасъ изъ церкви представить къ нему на благословеніе новокрещенныхъ съ ихъ воспріемниками; и дорого заплатилъ бы каждый христіанинъ, чтобы быть очевидцемъ того, какъ маститый Архипастыръ бывало обнимаетъ каждого новокрещеннаго и цѣлуется съ нимъ; и послѣ такого братскаго цѣлованія обыкновенно даетъ архипастырское наставленіе новокрещеннымъ, какъ вести себя въ новой благодатной жизни, а воспріемникамъ — какъ дорожить своими крестными дѣтьми, дарованными имъ св. Церковію, какъ залогъ вѣчнаго наслѣдія Отца небеснаго. Да еще при каждомъ приѣмѣ новокрещенныхъ Высокопреосвященный Владиміръ имѣлъ обыкновеніе каждому новокрещенному дарить по 2 руб. 50 коп., и выкрещенныхъ съ октября до февраля 1846 г., какъ мы выше сказали, было 200 человекъ. Въ самый день описаннаго мною торжества онъ устроилъ на свой счетъ прекрасный обѣдъ въ казармахъ для обоихъ баталіоновъ контонистовъ, на каковомъ обѣдѣ присутствовали всѣ начальники контонистовъ и о. Ректоръ съ служившими Іеромонахами.

Кромѣ сего Архипастырскаго участія въ дѣлѣ обращенія еврейскихъ контонистовъ въ Казани, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ каждый разъ, какъ только представлялся случай быть мнѣ и товарищу моему у него, спрашивалъ насъ о затрудненіяхъ, какія встрѣчались намъ при обращеніи заблудшихъ, и при этомъ давалъ намъ разныя мудрыя наставленія; а чтобы насъ поощрить къ усердному исполненію возложеннаго на насъ дѣла, онъ въ первый день

Рождества Христова тогоже 1845 г., сверхъ всякаго ожиданія нашего, постригъ меня и товарища моего въ стихарь.

Вотъ какъ совершилось поступленіе наше въ духовное званіе! Теперь остается рассказать о неменѣе назидательномъ *воспитаніи нашемъ въ духовномъ званіи.*

Св. Н. Кузнецкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ ДУХОВНОМЪ ЗВАНІИ.*)

Воспитаніе мое и товарища моего А. Софронова, по упомянутому мною въ прошлой статьѣ проэку, началось при Казанской Семинаріи съ 11 января 1846 года. Съ этого времени я исключительно посвятилъ себя всецѣлю изученію положенныхъ въ проэктъ наукъ, не для того только, чтобы отличиться на экзаменахъ, а для того, чтобы чрезъ приложеніе ихъ къ жизни своей сдѣлаться способнымъ и достойнымъ подлежащаго мнѣ назначенія. За руководителями въ этомъ отношеніи недостатка для насъ не было. Самъ о. Ректоръ Семинаріи, при которомъ мы почти три года неотлучно находились, употреблялъ всѣ возможныя съ своей стороны мѣры и средства, чтобы обогащать нашъ умъ душевспасительными познаніями, направить наши сердца къ чистой нравственности и благочестію и волю нашу приучить къ правильной богоугодной дѣятельности. Дѣти, «часто говаривалъ намъ о. Ректоръ, «не однѣ многоразличныя познанія, и не одна ученость дѣлаетъ насъ достойными папстырями Церкви и вѣрными сынами отечества, а наиболѣе «постоянный и ревностный трудъ и благочестивая жизнь.» Вотъ это самое имѣлъ постоянно въ виду о. Ректоръ нашъ при воспитаніи нашемъ въ Семинаріи! Сообразно съ этою цѣлю о. Ректоръ самъ написалъ намъ даже нарочито особую инструкцію, въ которой распредѣлено было время, какъ для формальнаго, классическаго занятія, такъ и для домашней обыденной жизни, такъ что ни одна минута, можно сказать, не проходила даромъ для насъ въ продолженіе 3-хъ лѣтняго курса нашего образованія; и притомъ за точнымъ испол-

* См. Полт. Епарх. Вѣд. № 7.

пеніемъ этой инструкціи слѣдилъ самъ о. Ректоръ, такъ какъ при его квартирѣ мы и жили. Нужнымъ считаю предложить вниманію читателей извлеченіе изъ сказанной инструкціи относительно ежедневнаго занятія нашего при Семинаріи.

«Положено было непременно: вставать намъ въ 4 часа утра и быть на утрени въ церкви, гдѣ я и товарищъ мой попеременно читали каѳизмы и каноны, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней; въ 6 часовъ быть на ранней обѣднѣ, на которой мы также попеременно съ товарищемъ читали въ стихаряхъ часы и апостолъ; время послѣ ранней обѣдни до 9-ти часовъ утра намъ положено было на завтракъ, при которомъ мы должны были рассмотреть уставъ и службу дневнаго святаго, для того, чтобы мы могли дать отчетъ о. Ректору въ томъ, какая служба отправлялась въ известный день и правильно ли она совершалась по уставу. Почему собственно въ нашей комнатѣ и сложены были все церковно-богослужебныя книги. Отъ 9 до 12-ти часовъ мы должны были изучить заданный намъ урокъ на тотъ день, а въ 12 часовъ ежедневно къ намъ на квартиру приходилъ одинъ изъ наставниковъ Семинаріи, который бывало, выслушавъ прежде выученный нами урокъ, объясняетъ и задаетъ намъ новый, каковое занятіе продолжалось не болѣе часа; и затѣмъ намъ положено было обѣдать, затѣмъ полчаса для прогулки по монастырскому двору; отъ 2 до 4-хъ часовъ мы должны были изучить урокъ, заданный намъ о. Ректоромъ; въ 4 часа мы должны были быть непременно на вечерни, на которой мы также съ товарищемъ попеременно читали 9 часовъ и каѳизму; а послѣ вечерни опять повторить выученный нами до вечерни урокъ и отправиться въ 6 часовъ каждый день, за исключеніемъ предпраздничныхъ и праздничныхъ дней, въ кабинетъ къ о. Рек-

тору, гдѣ бывало подають намъ чай, за которымъ о. Ректоръ всегда спрашивалъ насъ, какъ я говорилъ выше, о службѣ дневнаго святаго. Послѣ чаю о. Ректоръ, выслушавъ пройденный нами урокъ, объяснялъ и задавалъ намъ новый (а читалъ намъ о. Ректоръ уроки во всѣ 3 года изъ предметовъ: Православное исповѣданіе Петра Могилы въ 1-й годъ,—во 2-й годъ Догматику и Poleмику, а въ 3-й годъ нравственное и пастырское Богословіе). У о. Ректора за урокомъ бывало просиживаемъ иногда до 9-ти часовъ, и по окончаніи лекціи все остальное время проводили или въ назидательныхъ бесѣдахъ съ о. Ректоромъ, или въ чтеніи духовно-журнальныхъ статей, имъ же предварительно приготовленныхъ, при каковомъ чтеніи о. Ректоръ то и дѣло пріостанавливалъ читающаго изъ насъ и требовалъ нашихъ сужденій и мнѣній о читаемомъ предметѣ. Въ 9 часовъ намъ положено было ужинать и затѣмъ просмотрѣть заданный о. Ректоромъ урокъ; въ 10 часовъ, по прочтеніи молитвъ на сонъ грядущимъ, спать. Кромѣ ежедневныхъ будничныхъ занятій въ предпраздничные дни послѣ обѣда до всенощнаго служенія мы учились у одного Іеромонаха Спасо-Преображенскаго монастыря церковному пѣнію, а послѣ всенощной и послѣ вечерни въ праздничные дни положено было намъ заниматься сочиненіями, на предложенія, которыя всегда задавалъ намъ самъ о. Ректоръ. Также въ праздничные дни послѣ обѣда мы должны были вмѣсто прогулки до вечерней поры посѣщать казармы контопистовъ. Надобно замѣтить, что съ того времени какъ началось правильное воспитаніе наше одно это время только и было свободно для проповѣданія христіанства некрещенымъ контопистамъ, которые каждый годъ прибывали въ Казань цѣлыми партіями и постепенно обращались десятка-

ми, такъ, что во все время пребыванія нашего при Казанской Семинаріи ихъ обращено было нами болѣе 1000 человѣкъ. Каникулярнаго времени, которымъ обыкновенно пользуются ученики всѣхъ учебныхъ заведеній, для насъ не существовало во время трехлѣтняго образованія нашего; да мы и не требовали того, потому что мы вполне сознавали краткость времени нашего курса; и только тогда для насъ были каникулы, когда одинъ бывало изъ насъ заболѣетъ. Другой остается свободнымъ отъ уроковъ; потому что съ однимъ наставники не занимались, а дожидались выздоровленія другаго. Но это случалось очень рѣдко и притомъ недолго.

Экзаменъ производился намъ два раза въ году въ общей залѣ наравнѣ съ прочими учениками того класса Семинаріи, предметы котораго намъ преподавались; и тогда мы получали отиѣтки по общему сужденію наставниковъ о нашихъ успѣхахъ. Но кромѣ этихъ общихъ экзаменовъ были производимы намъ два особые экзамена: одинъ—по порученію Оберъ-Прокурора Св. Синода, который производилъ присланный въ 1846 году экзаменаторомъ въ Казанскую Академію—Преосвященный Аѳанасій, оставшійся очень довольнымъ нашими успѣхами, а другой—по назначенію Казанскаго Архіепископа Высокопреосвященнѣйшаго Григорія,—каковой экзаменъ былъ по окончаніи 3-хъ лѣтняго нашего курса; почему назначенный экзаменаторъ (бывшій тогда въ Казанской Академіи Ректоромъ) нынѣшній Преосвященный Калужскій Григорій производилъ намъ испытаніе самое строгое и продолжительное.—Результатомъ послѣдняго нашего экзамена было то, что меня признали очень достаточно образованнымъ для того, чтобы занять мѣсто соотвѣтственно своему назначенію по Высочайшей во-

лъ, а товарищъ мой оказался не вполне приготовленнымъ, почему въ совѣтъ наставниковъ положено было его оставить еще на два года въ богословскомъ классѣ на общихъ правахъ ученика Семинаріи, о чемъ донесено было Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

Между тѣмъ сознавая вполне трудность предстоящаго мнѣ служенія миссіонерскаго и особенно при такихъ раннихъ лѣтахъ своихъ (мнѣ тогда было 22 года), я посоветовался съ благодѣтелемъ своимъ — Архимандритомъ Климентомъ, — не приметъ ли онъ участія въ томъ, чтобы поступить мнѣ въ Казанскую Академію для усовершенствованія себя въ наукахъ, для полученія высшаго образованія, какъ необходимаго для Миссіонера? — Похваливъ такое мое намѣреніе Архимандритъ Климентъ обѣщался походатайствовать о томъ у Казанскаго Преосвященнаго Григорія; и вотъ чрезъ два дня Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь Казанскій удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ въ моей квартирѣ и, объявивъ мнѣ, что онъ самъ не въправѣ опредѣлить меня въ Академію, обѣщался съ своей стороны представить въ Святѣйшій Синодъ отзывъ о моихъ отличныхъ успѣхахъ въ преподаваемыхъ мнѣ наукахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать объ опредѣленіи меня въ Казанскую Академію, — что и исполнилъ на дѣлѣ. Вслѣдствіе такого ходатайства Святѣйшій Синодъ предписалъ Правленію Казанской Академіи принять меня на общихъ правахъ студента Академіи съ тѣмъ, чтобы съ меня не требовали экзамена по тѣмъ предметамъ, которыхъ я не изучалъ при семинарскомъ образованіи своемъ.

Поступилъ я въ Казанскую Академію въ мартѣ 1849 года. Каждый изъ учившихся въ Академіи хорошо знаетъ, что при всѣхъ отличныхъ способностяхъ требуется еще

усиленное прилѣжаніе для того, чтобы успѣть въ академическомъ образованіи. Каково же должно было быть прилѣжаніе съ моей стороны, когда я вступилъ въ Академію среди года? Много, очень много неуспынныхъ трудовъ я перенесъ, чтобы успѣть прочесть и усвоить себѣ все пройденное въ классѣ до поступленія моего въ Академію. Въ іюнь 1852 года я окончилъ курсъ Академіи со степенью кандидата богословія. Вотъ какъ совершилось образованіе мое въ духовномъ званіи, продолжавшееся всего семь лѣтъ, по окончаніи которыхъ я, по распоряженію Святѣйшаго Синода, и посланъ въ Полтаву для принятія сана священническаго и для занятія обращеніемъ Евреевъ въ христіанство.

Св. Н. Кузнецкій.
